

6. Чекулай, И.В. Ценность и оценка в категориальной структуре современного английского языка : дис.... д-ра филол. наук, 10.02.04 // И.В.Чекулай. – Белгород, 2006. – 473 с.

7. Langacker, R. W. Concept, image and symbol : the cognitive basis of grammar / R. W. Langacker. – Berlin ; New York : Mouton de Gruyter, 1991. – 395 p.

Багана Ж.

д.ф.н., проф. НИУ «БелГУ», Россия

ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИЕ АФРИКАНИЗМЫ, СОДЕРЖАЩИЕ ЗООНИМНЫЕ КОМПОНЕНТЫ С НЕКОТОРЫМИ ПРЕДСТАВИТЕЛЯМИ ФАУНЫ

Данная статья посвящена зоонимным фразеологическим африканизмам, показывает национально-культурную специфику Африки в выражении качественной оценки человека через метафорические сравнения с представителями фауны, выделяет схожие черты и различия между французским языком Франции и Африки и между культурами континентов.

Ключевые слова: зоонимы, фразеология, фразеологические африканизмы, Африка, фауна.

Baghana J.

Belgorod National Research University, Russia

PHRASEOLOGICAL AFRICANISMS WITH ZOONYM COMPONENTS OF FAUNA

This article focuses on the phraseological africanisms with zoonym components, shows cultural identity of Africa in terms of qualitative assessment of man through the metaphorical comparison with the animals, highlights the similarities and differences between the French language in France and Africa and between cultures of continents.

Keywords: zoonym, phraseology, phraseological Africanism, Africa, fauna.

Более ярко проявляется национальная специфика при сравнении ФЕ (фразеологической единицы), содержащих названия животных. Качественная оценка человека, выраженная переносными значениями слов, которые в своих прямых значениях обозначают животных, носит зачастую ярко выраженную национально-культурную специфику.

По мнению В.В. Яковлевой, метафоризация зооморфизмов вообще характерна для многих языков: во многих фольклорных системах, а в последствии и в литературных формах (сказках, баснях и т.д.) животные являлись олицетворением человека, наблюдение за их повадками дало почву для образных сравнений, ставших затем устойчивыми и превратившихся в компаративные ФЕ. Как правило, животные в таких ФЕ соотносятся с человеком, их повадки и качества с какими-либо человеческими чертами

характера, поступками, эмоциональным состоянием [3:240]. Так, например, идея физической силы связывается с быком. Символом хитрости считается лисица. Гусь олицетворяет глупость. Эти и другие социально значимые представления отмечены в соответствующих коннотациях зоонимов, а также в различных тропах: в метафорах, сравнениях, фразеологизмах

Возможно, некоторые зоонимные ФА (фразеологических африканизмов) возникли еще в период первобытнообщинных отношений, так как животные играли важную роль в повседневной жизни людей, они были культовыми, являлись предметом почитания, тотемом – покровителем. О распространении и некоторой универсальности ФА с названиями животных свидетельствует тот факт, что во всех языках мира они используются в качестве образной характеристики человека, а также в многочисленных «животных» сказках и являются наиболее употребительными.

И.Г. Татаровская в своей диссертации «Структурно-семантические типы фразеологизмов в языке лингала» пишет, что одной из главных причин функционирования названий животных в составе зоонимных пословиц и поговорок является параллелизм животного мира и мира человека. В сознании человека появляются ассоциации с образом животного, которые затем получают соответствующие языковые выражения. Эти ассоциативные связи формировались у людей в процессе наблюдения и изучения внешнего вида, повадок, жизнедеятельности различных видов и особей животных [2:108].

Наиболее часто характеристика тех или иных качеств человека передается путем сравнения человека с определенным животным. Каждое такое сравнение выработано в результате многовекового опыта, наблюдений народа и представляет запас образов, которые известны и привычны для каждого члена данного языкового коллектива и передаются по традиции из поколения в поколение. Наиболее ярко оценочный характер сравнительных ФА проявляется при отрицательной характеристике человека, что подтверждается их численным перевесом. Сравнительные ФА с отрицательной коннотацией часто употребляются в обиходно-разговорной речи. Например, *être comme une poule blanche* – (букв. быть как белая курица) – «быть нежной, как белая голубка», *être comme une chèvre, qui ne connaît pas le berger* [6] – (букв. быть как овца, которая не знает пастуха) – «быть подобным овце, не знающей пастуха».

Взаимодействие европейской и африканской символических систем оказывает определенное влияние на содержание исконно французской лексики в условиях ее африканского использования. Тем не менее, наличие общих черт в европейской и африканской символике является далеко не исключением. Подтверждением тому служат случаи сохранения коннотативных наложений у некоторых зоонимов ФЯ на территории Африки. Так, коннотативно нетронутым остается зооним *coq* «петух». Во французской традиции петух, как известно, олицетворяет отрицательные качества – чрезмерную гордыню и тщеславие. В африканской литературе можно проследить метафорический перенос, например, у камерунского писателя Mongo Beti (1970):

Chantematin fier de sa belle voix, espère chanter encore mieux – «Шантематен, гордясь своим красивым голосом, надеется спеть еще лучше».

Данная коннотация закреплена в общепольском фразеологизме *fier comme un coq* – «горд, как петух». Когда о ком-либо хотят сказать, что он ставит себя слишком высоко, говорят: *C'est un coq* – «это петух».

В Африке лексема *caïman* обозначает различные виды рептилий, таких, как зеленый крокодил, черный крокодил и др. Употребительность данной лексемы в речи, а также существенное влияние традиционного африканского символизма, для которого характерно использование аллегорий животных, птиц, рыб и т.д. для характеристики человеческих качеств, способствовали развитию у нее переносного метафорического значения. Ввиду вторичной номинации, лексемой *caïman* на Африканском континенте стали характеризовать жестокого и алчного человека, приносящего несчастье окружающим. Например, в языке лари Конго встречается следующий ФА:

Même le caïman peut mourir d'un coup de sagaie – (букв. даже крокодил может умереть от удара дротиком) – «ничто не может являться кровом для несчастья».

В переносном значении это слово обычно употребляется для достижения большей выразительности повествования и более сильного эмоционального воздействия на слушателя или читателя. Подобное употребление ФА *être caïman* обнаруживается в пьесе конголезского драматурга С. Бембы «L'homme qui tua le crocodile»: *Oui, un bien grand malheur en vérité. Ce caïman qui était commerçant de son état, a commencé par manger les autres pêcheurs, pênchant dans la rivière du quartier* [4:13] – «Да, в самом деле большое несчастье. Этот крокодил, который был коммерсантом в своем государстве, начинал с того, что проглатывал других рыбаков, наклонившихся над рекой квартала».

В африканском варианте ФЯ получил распространение ФА *s'unir pour passer l'eau et l'on n'est pas mangé par les caïmans* – (букв. объединиться, чтобы пройти через воду и не быть съеденными аллигаторами) – «объединиться во избежание опасности». Данный ФА выражает в образной форме идею единства в борьбе против сил несправедливости и употребляется говорящими в качестве революционного лозунга. Двуплановость изображения лексемы *caïman* обязана своим существованием как прямому, так и переносному значениям данного образа.

Crocodile – «крокодил» в Африке, так же, как и в Европе, обычно ассоциируется с жестокостью, алчностью, осторожностью, и в то же время доверчивостью и глупостью сильного, хотя в Европе к этому добавляется еще и поглощение солнца, а также двуличие, лицемерие и обман. В Конго, когда человека хотят предупредить о постоянной опасности, говорят: *Ce qui est encore dans la rivière n'est pas sauvé de la gueule du crocodile* – (букв. то, что еще находится в воде, еще не спасено от пасти крокодила)[1:224-225].

Лексема *vipère* – «гадюка» имеет сходные значения в Африке и в Европе, где она символизирует зло, ядовитость, негатив. Следует отметить, что значение некоторых лексем в новых африканских социокультурных условиях подвергается определенным изменениям. В результате расширения семантики лексемы *vipère* в Африке образуются и новые ФА. Например, по традиции в Африке мужчина мог иметь несколько жен, хотя с течением времени эта традиция изжила себя в связи с европеизацией данного континента. Обычно

вторая жена жестоко относилась к детям первой, для которых она являлась мачехой. Отсюда появляется негативный образ лексемы *vipère*: *Elle était une vipère, notre marâtre: elle ne nous donnait jamais à manger quand papa n'était pas là* [7] – «она была настоящей змеей, наша мачеха: она не давала нам есть, когда отца не было дома».

Но, несмотря на весь негатив, связанный с рассматриваемой лексемой, необходимо обратить внимание на тот факт, что она выступает и с положительной коннотацией. В Африке считается, что женщины сохраняют свою молодость при помощи змей, которые их облизывают во время сна, придавая тем самым их коже молодой и цветущий вид. Отсюда ФА *avoir une vipère: Elle a une vipère* – (букв. у нее есть гадюка) – «она очень красива». Однако помимо красоты, это животное ассоциируется и с некоторыми недостатками, такими, как совершение ошибок. *Les petits serpents grandissent avec leur venin* (рег.) – (букв. маленькие змеи растут вместе с их ядом) – «недостатки передаются из поколения в поколение».

Говоря о переносном смысле фразеологизмов, необходимо отметить, что метафорический образ газели-женщины послужил основой для компаративного ФА *gracieuse comme une gazelle* – (букв. грациозна как газель) – «грациозная женщина», который чаще всего употребляется в литературной речи. В Африке название хорошо известного вида местной фауны *gazelle* традиционно ассоциируется с образом женщины, символизирует женскую красоту и легкость. А. Ngoye в своем произведении «*Agence black Bafoussa*» описывает танцующую женщину следующим образом: *Une gazelle qui court sur le sable* [8].

Еще один вид фауны Африканского континента *antilope* – «антилопа» символизирует наивность и добропорядочность, тогда как в Европе этот зооним ассоциируется прежде всего с осторожностью, верткостью, быстротой движений. *L'antilope naine ne dort pas au-dessus des feuilles qui s'agitent* [9:95] (базенжель / Республика Конго) – (букв. карликовая антилопа не спит под колышущимися листьями) – «нужно избегать опасных мест».

Следующие представители фауны *chien* – «собака» и *chèvre* – «коза» несут в своей символике как отрицательную (обвинение, жадность, безбрачие), так и положительную коннотацию (удача, исправление ошибок, предупреждение об опасности). Например, в Камеруне существует ФА *Le chien vole et c'est à la chèvre qu'on coupe les oreilles* – (букв. собака крадет, а козе отрезают уши) – «ошибки сильных вменяются в вину слабым». *Le chien n'entre pas dans une maison où l'on a faim* (дида / Кот д'Ивуар) – (букв. собака не заходит в дом, где голодают) – «жадность не приветствуется». Жители Камеруна говорят человеку, который лишь берет, ничего не отдавая взамен *le visage de la chèvre ne transpire jamais* – (букв. морда козы никогда не потеет). Человек, который живет один в Буркина-Фасо, может услышать в свой адрес следующий ФА: *Celui qui est seul tue un chien et le prépare à manger pour sa belle-famille* – (букв. тот, кто живет один, убивает собаку и готовит ее для родственников своей супруги) – «одинокий человек несчастен и даже смешон». *La chance de la chèvre n'est pas celle de la vache* (уту / Бурунди) – (букв. удача козы не является удачей коровы) – «Удача приходит лишь в доброй социальной

обстановке». *Avant de tuer votre chien, écoutez d'abord sa voix* (рег.) – (букв. прежде чем убить вашу собаку, послушайте ее голос) – «Прежде чем наказывать ребенка, хорошенько убедитесь, что он виноват» [6].

Существует еще один негативный смысл, который несет в себе лексема *chèvre*: *La chèvre broute l'herbe là où elle est attachée* – (букв. коза пасется там, где ее привязали) – «каждый ворует на своем месте». В Африке данный региональный фразеологизм появился сравнительно недавно, и произошло это оттого, что коррупция широко распространилась среди африканских чиновников. Указанным понятием определяют только занимающих высокое социальное положение и превышающих свои служебные полномочия людей.

Такие отрицательные черты человеческого характера, как хитрость, коварство, эгоизм и плутовство, представлены в Африке в образе *araignée* – «паук». В Европе образ паука также ассоциируется с коварством, что обусловлено его умением плести сеть, в которую попадает жертва. Однако сеть паука – это ненадежное сооружение, которое легко разрушается, вследствие чего считается, что жилище паука мало защищено от разрушения и символизирует ненадежность. В данном случае между европейской и африканской символикой существует определенное различие, поскольку в Африке паук – это божество, помогающее людям устанавливать надежное жилье. Паук также считается помощником в выращивании зерновых культур, предсказателем судьбы. *La figure de l'araignée, symbole de la ruse et de la fausseté, est abondamment exploitée dans une bonne partie du folklore ouest-africain* [5] – «Фигура паука, символизирующая хитрость и лицемерие, часто используется в большей части фольклорных произведений Западной Африки».

На приведенных примерах мы убеждаемся, что метафорические и метонимические переносы в составе фразеологизмов возникают на основе реально существующих предметов во ФЯ Африки и являются эвристически значимыми, т.к. они наиболее ярко отражают несовпадение представлений об окружающем мире у различных народов. Метафоры африканского варианта ФЯ представляют собой удивительное сочетание африканских и европейских жизненных ценностей, взглядов и психологических особенностей, оказывающих взаимное влияние, и наглядно демонстрируют представления африканцев об окружающем мире.

Литература

1. Клоков В.Т. Французский язык в Африке. Лингвокультурологическое исследование.– Саратов: Изд-во Саратов. ун-та, 2000. – 284 с.
2. Татаровская И.Г. Структурно-семантические типы фразеологизмов в языке лингала. Дис... канд. филол. наук. – М., 2004.
3. Яковлева В.В. К вопросу об отражении флоры и фауны в испанских компаративных фразеологических единицах // V Степановские чтения. Язык в современном мире. На материале романо-германских и восточных языков. Материалы докладов и сообщений Международной конференции. – М.: Изд-во РУДН, 2005. – С. 239-242.
4. Bemba S. Le soleil est parti à M'Pemba: roman. – Paris: Présence africaine, 1982. – 186

р.

5. Holas B. (Bohumil) Contes kongo: traditions populaires de la forêt guinéenne. – Paris: G.-P. Maisonneuve et Larouse, 1975. – 342 p.
6. Kourouma A. Le grand livre des proverbes africains. – Paris: Presses du château, 2003. – 319 p.
7. Lopes H. Sana tam-tam. – Yaoundé: Clé, 1977.
8. Ngoye A. Agence black Bafoussa. – Paris, 1996.
9. Tati-Loutard J.B. Les normes du temps. – Lumumbashi: Mont-Noir, 1974.

Харченко В.К.

д.ф.н., профессор, НИУ «БелГУ», Россия

ОБ ЭЛЕКТРОННОЙ БАЗЕ СЛОВ-СОМАТИЗМОВ В ЛИРИКЕ БЕЛЛЫ АХМАДУЛИНОЙ

В статье рассматриваются особенности создания и применения в практике исследований электронной базы контекстов с ключевыми словами, называющими части тела, так называемые соматизмы, в идиостиле выдающегося поэта XX-XXI вв. Беллы Ахмадулиной. Предпринято размежевание форм единственного и множественного числа, выделение зоосоматизмов, фразеологизмов-трансформов с соматическим компонентом.

Ключевые слова: соматизм, Ахмадулина, контекст, электронная база, конкорданс, параметр исследования.

Kharchenko V.K.

Belgorod National Research University, Russia

ELECTRONIC BASE OF SOMATISMS IN BELLA AKHMADULINA LOVE POEMS

The article deals with peculiarities of the creation and practical use of Electronic Contexts including the key-words indicating the parts of the body, the so called somatisms in the idiostyle of the outstanding poet of the XX-XXI Centuries. The author focuses on the ways to identify singular and plural forms, somatisms with zoo morphisms, ability of phraseological units containing somatic element to transform.

Keywords: somatism, Akhmadulina, context, electronic base, concordance, parameters of investigation.

Опыт создания четырёх электронных баз данных, три из которых уже получили государственную регистрацию [4,5,6], а одна («Фрагменты семейного родословия») в настоящее время находится на рассмотрении, подталкивает составителя к продолжению поиска в выбранном направлении. Создание ЭБ, на первый взгляд, работа сугубо техническая, а в силу своей монотонности и значительного объёма предназначенная будто бы для помощника-исполнителя. Однако в современной отечественной лингвистике с её приоритетом теории, ситуация складывается таким образом, что терминологически эффективные оформленные лингвокогнитивные проекты, гипотезы, наработки подчас